

ОЛЕГ КОМКОВ

ПЕСНИ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

ЙОВАН ДУЧИЧ

АНГЕЛОС СИКЕЛИАНОС

ГЕРМАН ГЕССЕ

Чикаго
Art 40
2021

УДК 82-14
ББК 84(4Рос)
84 (4/8)

*Издание подготовлено при поддержке
Междисциплинарной научно-образовательной школы
Московского университета «Сохранение мирового
культурно-исторического наследия»*

Олег Комков. Песни любви и смерти: Йован Дучич, Ангелос Сикелианос, Герман Гессе; пер. с сербского, новогреческого и немецкого. — Чикаго: Art 40, 2021. — 217 с.

Олег Комков (р. 23.09.1977) — культуролог, герменевт, переводчик. Доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор трех книг стихов и поэтических переводов, публикаций в литературных журналах России, Сербии, США.

В настоящее издание вошел наиболее полный корпус переводов Олега Комкова из наследия трех великих поэтов XX века: Йована Дучича, Ангелоса Сикелианоса и Германа Гессе.

ISBN 978-1-716-18231-0

© Олег Комков, 2021

ЙОВАН ДУЧИЧ
(1871 — 1943)

с сербского

ТЕНИ НА ВОДЕ

ЗАХОД СОЛНЦА

Долго пышет небо медью раскалённой,
Окровавив реку; жар зари несносен;
Долго рвётся пламень, гневом распалённый,
Из-за чёрной кромки вековечных сосен.
Где-то в отдалении, у воды незрима,
Мельница забылась в хрипловатом гуле;
Люто страждут своды от огня и дыма,
А кувшинки мирно на волнах уснули.

Вот и снова вечер... И, как прежде, мнится,
Будто там, далёко, за тремя морями,
Где вершин смарагдных блещет вереница,
Под закатной сенью, в первозданном храме —
Венчана тоскою, бледная, как тайна,
Бдит жена всенощно, обо мне мечтая.
Вечна, неизбывна и, как ночь, бескрайна,
Тихой тьмою дышит в ней печаль святая.

Океан у берега искрится, что слёзы,
Стая синих чаек реет, волнам вторя;
Над пустынным садом, где поникли розы,
Песнью снов печальной ветер веет с моря.
В небеса вперивши взор, исполнен хладью,
Два гиганта-Сфинкса замерли на страже;
Незнакомка плачет; а над водной гладью,
Обессилен, солнце прячется за края.

Знаю: ей другие чужаки не любы —
Лишь меня душою зрит, сомкнувши вежды.
О любви верной тихо шепчут губы.
Словно смерть, связует верность без надежды!
Ах, не говорите, будто всё иначе,
Будто бредит сердце ложью обольщенья —
Я б зашёлся в плаче, в горьком, вечном плаче
И нигде не видел боле утешенья.

В СУМЕРКАХ

Вновь уводят думы, тяжки и тоскливы,
Вдаль, в пустое поле. Стыло блещут росы.
Над водою мутной горько плачут ивы,
И холодный ветер теребит им косы.
Полумёртвой сенью на закате мреет,
Тихо угасая, бледный дневный пламень.
В небе надо мною ширь немая реет,
Мгла покрыла реку, лес, цветы и камень.

Вот погост у яра. Здесь лежат селяне:
Родичи, соседи — всяк другому ровня;
И стоит поодаль в меркнувшем сияньи
Набожно и скорбно ветхая часовня.
На селе потухли огоньки сторожка —
Ночь, уснули доли... Лишь, как призрак млечна,
От села к погосту криво вьётся стёжка,
Чудна, неусыпна, коротка — и вечна.

ЛИСТОПАД

Шла со мною молча: холод полнил вены,
Слёзы не сребрились в помутневшем взоре;
Мертвенно глядели розы и вербены,
Сокрушённый вечер опускался в горе

На седые воды. Словно тень, скользила
Поступью забвенья, тихой и угрюмой.
И одна и та же угнетала сила
Нас бесслёзной мукой и печальной думой.

Тьма недужной ночи осыпала прахом
Старые платаны, водное зеркало;
Два бессонных сердца слушали со страхом
Тишь, где всё так долго, мирно умирало.

И когда сомкнулись в сумраке изгнания
Губы, ледяные от душевной смуты, —
Нам явился тайно ужас осознания:
В каждом поцелуе — смерть одной минуты.

В каждом стуке сердца — чьей-то смерти эхо!
В каждой страсти — бездна чьей-то вечной стыни!
Серой мглы ноябрьской зыблется прореха:
Разве только в Смерти Жизнь осталась ныне.

АККОРДЫ

Лиловой ночью тихо бродят тени;
Сквозь шелест звёзд, мучительно-знакома,
Почудится в немотном запустеньи
Мне песня сфер над гладью окоёма.

И вновь объемлет небеса и землю
Извечный гул, что слышен издалече;
И вновь недвижно, немо, долго внемлю
Я говор вод и шумных листьев речи.

И в языке немолчном разумею
Глас Бытия и каждой вещи шёпот...
Порою тишь наступит, а над нею —
Лишь сердца стук... Но тот же смутный ропот

Проснётся в чаще леса; за ударом
Послышится удар; раздастся ясно
Из чёрного рогозника над яром,
По полю пробежит... И многогласно

Достигнет недр земли! Во тьме страданья,
Как колокол, исполнившийся стона,
Немыслимое сердце мирозданья
Забьётся мерно, тихо, монотонно.

ПОЗНАНИЕ

Её познал я в час небесной хмури;
Сады алкали смерти с нетерпением,
Шумел осенний дождь предвестьем бури,
И всё в тоске спешило за успеньем.

И молодость моя уже не знала
О страстных днях, чьё пламя так жестоко:
Мне в душу тень её неслышно пала,
Как лунный свет, бледна и хладноока.

Был глас её — что музыка печали:
И, внемя, думал я в молчаньи строгом
Лишь о минувшем, об осенней дали,
О хладном небе, о прощальном "с Богом!"

Был поцелуй её покойно-льדיстым,
Как мрамор статуй; а льняные пряди
Унывно пахли тягостным и мглистым
Дыханьем роз в полуотцветшем саде.

И по утрам с тех пор мне часто мнилось,
Как будто сбросил я стальные путы:
Не знаю, что́ душе в те ночи снилось,
Но взор смеркался, полон слёз и смуты.